

0750

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Луна Милн

ОБЕЩАТЬ — ЗНАЧИТ ЖЕНИТЬСЯ

Погари себе мерту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Нина Милн

Обещать – значит жениться

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Милн Н.

Обещать – значит жениться / Н. Милн — «Центрполиграф»,
2016 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07702-8

Граф Деруэнт, будущий герцог Ферфакс, уже помолвлен, но узнает, что не может иметь детей. Габриэль втайне нанимает известного историка Этту Мэйсон для исследования своей генеалогии, чтобы найти родственника, которому сможет передать титул. Такой человек обнаруживается в Австрии. Гейб хочет посмотреть на него, а чтобы скрыть от родных и прессы цель своей поездки, приглашает Этту поехать с ним в качестве его фальшивой подружки. Но Рождество в сказочной Вене разбудило в сердцах обоих призраки прошлого и... любовь?

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07702-8

© Милн Н., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нина Милн

Обещать – значит жениться

The Earl's Snow-Kissed Proposal © 2016 by Nina Milne

«Обещать – значит жениться» © «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

* * *

Глава 1

Габриэль кинул взгляд в зеркало, оправленное в роскошную раму, чтобы убедиться, что случайно не надел рубашку наизнанку. И черный смокинг, и накрахмаленная рубашка были в полном порядке. Царившее в душе смятение на лице не отражалось. Вот и хорошо. Сегодня все приглашенные на Рождественский бал в особняк Кавершемов увидят лишь то, что ожидают увидеть: очаровательного Габриэля Деруэнта, графа Уайклифа, наследника герцога Ферфакса.

Несомненно, возникнут вопросы о том, почему Габриэль расстался с леди Изабель Петерсен, и о том, почему его долгое время не было видно в свете. Придется сохранять невозмутимость.

На этом благотворительном балу будут собираться пожертвования на очень важное и хорошее дело. Подумав о том, что придется расхаживать среди гостей, вести разговоры ни о чем, а также общаться с журналистами, Гейб стиснул зубы. Придется все это терпеть ради того, чтобы скрыть истинные причины своего присутствия здесь, – Габриэль решил начать поиски, при одной мысли о которых сердце наполнялось мрачным унынием.

«Ну хватит!» – одернул себя граф. Нельзя предаваться отчаянию – он отлично усвоил преподанный в детстве урок.

Услышав звук открывающейся двери, Гейб обернулся и заставил себя улыбнуться:

– Привет, сестренка! – Заметив выражение ее лица, он шагнул вперед. – С тобой все в порядке?

Кора Мартинес, одетая в блестящее платье изумрудного цвета, вошла в комнату.

– Это я хотела спросить, что с тобой. Я дважды стучала, а ты все не открывал. Я уже начала волноваться.

– Для беспокойства нет повода. Кстати, выглядишь потрясающе.

Кора отмела комплимент небрежным взмахом руки.

– Не пытайся меня отвлечь. Я действительно за тебя переживаю: за последний год я видела тебя всего один раз. Понятия не имею, где ты был. И вдруг ты звонишь мне и просишь представить тебя Кавер-шемам. А потом я узнаю, что ты в самый последний момент получил приглашение на этот бал. Ничего не понимаю.

– Я знаю.

Кора прищурила зеленые глаза:

– И это твой ответ?

Габриэль постарался растянуть губы в самой очаровательной из своих улыбок.

– Все, что тебе нужно знать, – это то, что я вернулся.

Ни в коем случае нельзя открыться Коре. Да и что он ей скажет? «Привет, сестренка! Девять месяцев назад я узнал, что не могу иметь детей». Жизнь изменилась безвозвратно. Все планы на будущее, составленные на много лет вперед, рухнули. Согласно старинной традиции, титул герцога Ферфакса всегда передавался от отца к сыну, и теперь ему грозило исчезновение.

– Эй, ты меня слушаешь? – Кора уперла кулаки в бедра, постукивая ногой по ковру. – Я все равно за тебя беспокоюсь. Пусть я младше тебя на шесть лет и мы никогда не были особо близки, но все-таки ты мой брат.

«Никогда не были особо близки». Истинная правда. Коре и Кэтлин, ее сестре-двойняшке, было всего по два года, когда Габриэля отослали в интернат. Там он понял, что нет смысла прикипать к кому-либо душой, – ведь это лишь причиняет боль, заставляет тосковать по близким и родному дому, делает тебя слабым, лишает сил.

Кора наморщила лоб.

– Может, это из-за папы? Он сильно отругал тебя? Или ты расстроился из-за Изабель? Любовь, конечно, сложная штука, но...

– Прекрати!

Габриэль никогда не искал любви, так как считал ее одной из самых очевидных форм душевной близости, а следовательно, самым быстрым способом поддаться слабости. А что касается леди Изабель, их отношения были своего рода договором. Гейб всегда знал, что рано или поздно придется во имя долга завязать с образом жизни плейбоя. Леди Изабель стала бы ему подходящей супругой – покорной и почтительной. Взамен она получила бы титул герцогини и право стать матерью будущего герцога Ферфакса.

Узнав, что в части произведения на свет наследника исполнить договор не удастся, Габриэль попросил отложить помолвку на несколько месяцев, не назвав для этого причин. Леди Изабель согласилась, а после... предала его. Она начала мелькать в многочисленных телешоу, где рассказывала о том, что граф Уайклиф – бесчестный человек, который бросил ее, разбив ей сердце.

– Изабель для меня уже ничего не значит. Что касается отца, я беседовал с доктором – тот говорит, что инфаркт был серьезным, но проведенная операция по шунтированию предотвратит новые инфаркты. Мама увезла отца в санаторий для восстановительного лечения. Я остался за главного. – Он с преувеличенным энтузиазмом всплеснул руками. – Так что все в порядке. Для беспокойства нет причин.

Тонкие черты лица Кору исказила недоверчивая гримаска.

– Конечно. Как скажешь.

Сестра повернулась к двери.

Через пять минут, спустившись по лестнице и пройдя несколько комнат, обшитых дубовыми панелями и украшенных старинными гобеленами, Гейб вошел вслед за Корой в огромный, похожий на пещеру зал приемов отеля «Замок Кавершем». Здесь было много нарядно одетых людей. Гул их голосов смешивался со звоном бокалов и негромким хлопаньем пробок, вылетающих из бутылок с шампанским.

Лицо Кору осветила широкая улыбка – несомненный признак того, что Рафаэль Мартинес где-то поблизости. И точно – через несколько секунд появился ее высокий темноволосый супруг и поприветствовал графа кивком:

– Габриэль!

– Рафаэль! Рад тебя видеть.

Тот недоверчиво поднял бровь. И неудивительно: хотя Гейб не возражал против брака сестры с Рафаэлем, но его не было на их свадьбе. С другой стороны, Мартинесу вовсе не требуется чья-то помощь, чтобы присмотреть за собой и своей женой.

Габриэль обвел взглядом каменные стены зала, украшенные венками из падуба. Негромко звучащие рождественские гимны напомнили о том, что всего через несколько недель наступит Рождество – конечный день срока, установленного Гейбом для того, чтобы выяснить, не исчезнет ли после него титул герцогов Ферфаксов.

Уже в который раз граф мысленно выругался, проклиная крючкотворство закона, требующего, чтобы будущий Ферфакс наследовал титул только по мужской линии.

Кроме рождественской атмосферы, царящей в зале, Габриэль почувствовал и обращенные на него взоры, услышал негромкие перешептывания о своем таинственном исчезновении почти на год. Это заставило его встряхнуться и приступить к действиям. Нельзя ни в коем случае, чтобы репортеры пронюхали об истинной причине его присутствия на этом балу, а потому придется поговорить с каждым из них, чтобы никто не заподозрил, что на самом деле заботит графа Уайклифа.

Растянув губы в улыбке, он направился к хозяину и хозяйке бала – они должны направить его по верному следу.

Этта Мэйсон шагнула за огромную пальму в кадке и тяжело выдохнула. Явившись сюда, она совершила огромную ошибку. Но все будет в порядке – ведь Кэти в безопасности. Перед глазами возник образ горячо любимой красавицы-дочери шестнадцати лет, о которой Этта заботилась с самого младенчества и ни разу не пожалела о выборе, когда-то сделанном ею самой в таком же возрасте.

«Спокойно. Кэти ничего не угрожает», – успокоила себя Этта.

Дочь осталась ночевать у лучшей подруги, а значит, Томми ее не найдет.

Этта вонзила ногти в ладони, напомним себе, что если до сих пор могла растить дочь в одиночку, то пусть так продолжается и впредь. Чувствуя, что ситуация возвращается под контроль, она вновь обрела решительность. Пора вернуться к работе. Сегодня очень важное мероприятие. Ей предстоит произнести речь перед ужином, так что хватит прятаться за кадками с пальмами!

Этта выскользнула из своего убежища и... врезалась в широкую мужскую грудь.

– Извините, – пробормотала она. – Всему виной сочетание высоких каблучков и моей врожденной неуклюжести...

Слова замерли на ее губах, едва Этта разглядела мужчину, с которым столкнулась, – короткостриженого блондина с серо-голубыми глазами, в которых отражались огоньки свечей. Ее взгляд невольно задержался на решительном рте, уголки которого приподнялись в улыбке.

Этта удивленно моргнула. Вот это да! Какой красавец! Но тут ее почти отключившийся от восхищения разум снова заработал – она узнала стоящего перед ней человека. Это был не кто иной, как Габриэль Деруэнт, наследник герцога Ферфакса.

Отлично! В кои-то веки Этта загляделась на мужчину, а он оказался тем, кого она презирает. Точнее, именно о нем она знает немного. Но какому историку не знакомы деяния известнейших представителей знати? Предки графа Уайклифа участвовали в самых судьбоносных событиях истории Англии.

Честно говоря, Этту приводил в ярость не образ жизни плейбоя, который Габриэль Деруэнт вел уже не первый год, а недавние события. Девять месяцев назад он объявил, что берется за ум, и начал ухаживать за леди Изабель Петерсен. Он водил ее по ресторанам, потчует дорогими винами и изысканными блюдами, познакомил со своими родителями – об этом писала желтая пресса по всему миру. Папарацци даже сфотографировали его, когда граф рассматривал обручальные кольца в ювелирном магазине. А потом – бац! Уже почти готовый сделать предложение руки и сердца, Габриэль Деруэнт порвал с леди Изабель и сбежал из страны.

Этта приняла ситуацию близко к сердцу, ведь ей было знакомо, каково быть обманутой и что чувствуешь, когда грубо разрушают твои иллюзии. Она понимала, какую боль испытывает сейчас леди Изабель, брошенная этим мужчиной.

Сощурившись, Этта посмотрела в глаза графу. В их глубине мелькнуло какое-то неопределенное чувство.

– Я – Габриэль Деруэнт.

На мгновение она опустила глаза на протянутую ей руку – надежную, сильную, с крепкими пальцами, повисшую в воздухе в ожидании.

«Соберись!» – приказала себе Этта. Меньше всего хотелось, чтобы граф решил, что она растерялась в его присутствии.

Коротко пожав руку Габриэля, Этта холодно улыбнулась и представилась, стараясь не думать о приятном чувстве, возникшем при соприкосновении их ладоней.

– Этта Мэйсон... выдающийся историк, – произнес граф, скорее как утверждение, а не как вопрос, и на долю секунды ей снова захотелось спрятаться за пальмой.

– Да, это я.

В голове промелькнули годы упорного труда, потраченные на то, чтобы получить ученую степень. В те дни Этта чуть с ног не валилась от изнеможения, пытаясь совмещать учебу с

работой на полставки и воспитанием дочки. Поэтому она не собиралась теперь впасть в ложную скромность, прекрасно зная, что и в самом деле является одним из лучших специалистов в своей профессии.

Габриэль окинул наряд Этты взглядом, исполненным изумления.

– Удивлены?

Он помолчал, подбирая слова, а затем поднял руки, словно сдаваясь.

– Поражен. Признаю, что ваше ярко-розовое платье в полоску не укладывается в мое предвзятое представление о знаменитых историках. Но я приношу вам искренние извинения. Мне не следовало поддаваться влиянию стереотипов. Может, начнем все заново? Я забуду о том, как вы чуть не проткнули мне ногу своими каблуками, а вы забудете проявленную мной глупость. Идет?

Вот он, подходящий момент, чтобы закончить этот разговор пустым замечанием и уйти, но на губах графа играла такая красивая улыбка, а его глаза горели такой решимостью, что Этте захотелось узнать, почему Габриэль Деруэнт вдруг решил включить на полную катушку свое очарование. Ведь она явно не из тех женщин, которые его интересуют. Ему приписывали романы со знаменитыми красавицами, но все они по натуре были пустышками, и это были лишь мимолетные связи, пока Габриэль не начал ухаживать за Изабель Петерсен. Что привлекло его в Этте? Роман графа с ученой-историком? Это же курам на смех! К тому же не просто с историком, а с матерью-одиночкой. Даже здесь, в этом бальном зале, полно других женщин, которые куда больше подходят на роль новой подружки Габриэля. Не исключено, что он пускает в ход свое обаяние автоматически, по привычке, но инстинкт убеждал Этту в обратном. Решив, что ничего страшного нет в том, чтобы немного побеседовать с этим мужчиной, она ответила:

– Идет! Так с чего начнем?

– Может, расскажете немного о себе? Каков он, обычный день выдающегося историка?

Его интерес казался неподдельным.

– Все мои дни не похожи друг на друга. И это одна из причин, по которой я люблю свою работу. Недавно, например, я помогала одному писателю подбирать материал для исторического романа. Я занимаюсь генеалогическими изысканиями, веду блог для одного исторического общества, помогаю организовывать различные тематические мероприятия, пишу статьи, выступаю приглашенным лектором...

– Руби говорила мне, что вы – один из самых больших энтузиастов своего дела.

– Да, о ней с Итаном можно сказать то же самое. Основанный ими фонд оказывает большую помощь детям, попавшим в сложные ситуации. Хотела бы я...

Она осеклась, не договорив о том, как жалеет, что в свое время у нее не было возможности обратиться за поддержкой к таким людям, как чета Кавершем.

Но этими воспоминаниями она не собиралась делиться с графом.

– Чего бы вы хотели?

Странно, в его голосе Этте почудилось понимание – как будто Габриэль и в самом деле способен на сопереживание бездомным или воспитываемым опекунами детям, и на мгновение в сердце разлилось тепло. Как нелепо с ее стороны! Ведь этот человек родился в знатной и богатой семье.

Пришлось на ходу сочинить:

– Я бы хотела творить так же много добра, как это делают Кавершемы.

– Руби упоминала, что вы ей помогаете.

– Да. Время от времени ей приходится иметь дело с детьми, которые ничего не знают о своих родителях, кроме их имен, и хотят выяснить больше.

– Так вас можно назвать сыщиком?

– Пожалуй. Это очень интересная часть моей работы.

Этта промолчала о том, что такие поиски всегда наполняют ее сердце горечью: ведь о собственных родителях ей тоже ничего не известно. Она ощутила в груди привычную боль, вонзила ногти в ладони и мысленно приказала себе: «Хватит! Соберись! Ты все равно не узнаешь, кем были твои отец и мать и почему они оставили тебя тридцать два года назад на улице».

Серо-голубые глаза Габриэля потемнели.

– А вдруг вы выясните что-то нехорошее о биологических родителях этих детей? Все равно расскажете?

– Да, расскажу. Им лучше все знать.

В этом она была уверена. Ведь приемные родители скрывали от нее правду о ее удочерении, сплетя целую паутину лжи, превратив жизнь девочки в мираж, который растаял, когда у них родился собственный ребенок и они потеряли интерес к Этте.

Осознав, что граф пристально разглядывает ее лицо, она заставила себя улыбнуться. Кажется, беседа приняла слишком личный характер. И как так вышло?

– В конце концов, не зря говорят: «Знание – сила».

– Да, говорят. – Граф неожиданно снова очаровательно улыбнулся.

– А иногда знание еще и полезно. Однажды я помогла одной из подопечных Руби, беременной девочке-подростку, восстановить ее медицинскую карту.

Тот случай врезался в память, потому что Этта тоже не раз с тревогой думала, глядя на свою дочку Кэти, что ничего не знает о ее бабушках и дедушках. Не повлияют ли их гены на здоровье девочки?

– А с другой стороны, – продолжила она, – в прошлом люди ничего не знали о генах и все же как-то справлялись. Иногда мне кажется, что нам необходимо иметь достаточно веры.

– И просто покориться судьбе?

Ну вот! Теперь они затеяли философский диспут.

– Иногда – да. Вы с этим согласны?

В глубине зрачков Габриэля вспыхнуло пламя.

– Не согласен. Мы сами строим свою судьбу, потому что у нас есть право выбора.

От напора, с которым граф произнес эти слова, по спине собеседницы пробежали мурашки.

Габриэль тут же добавил, пожав широкими плечами:

– По крайней мере, я предпочитаю в это верить.

Ну хватит! Пора заканчивать этот разговор, в котором граф Уайклиф продемонстрировал себя более глубоким человеком, чем считала его Этта. Но ведь он в лучшем случае – всего лишь плейбой, а в худшем – мастак по части иллюзий, разбивающих сердце.

– Мне скоро предстоит произнести небольшую речь перед гостями, и нужно еще успеть с ними пообщаться перед своим выступлением. Вынуждена проститься с вами.

– Буду с нетерпением ожидать вашего спича, а после надеюсь продолжить наш разговор.

В самом деле? Но почему? В душе шевельнулось любопытство. Этта безжалостно подавила его – у нее сейчас хватает куда более серьезных забот.

Растянув губы в своей самой очаровательной улыбке, она ответила:

– Я сегодня здесь не задержусь, так что давайте попрощаемся прямо сейчас – на случай, если нам больше не представится возможности побеседовать.

– Я еще не прощаюсь с вами, – произнес граф так тихо, что Этта засомневалась, правильно ли расслышала его слова.

Глава 2

Стоя в углу бального зала, Гейб наблюдал, как Этта Мэйсон грациозной походкой направляется к подиуму, чтобы произнести свою речь. Черт! Вот опять в глубине души вспыхнуло влечение к этой женщине, которое охватило графа и чуть ранее, когда она неожиданно вынырнула из-за кадки с пальмой.

Такого осложнения Габриэль не ожидал. В последние месяцы сексуальные желания в нем словно дремали. Да и фото Этты Мэйсон, размещенное в Интернете, не передавало в полной мере того, как она выглядит в жизни: в карих глазах вспыхивают янтарные искорки, пухлые губы притягивают к себе взгляд, очертаниям скул позавидовала бы любая супермодель, а блестящих каштановых волос так и хочется коснуться. Но эта женщина привлекла внимание Габриэля не только своей красотой. В ее внешности и манере держаться есть что-то пикантное, волнующее.

Но сейчас не время размышлять о сексуальной привлекательности Этты Мэйсон – Габриэлю необходимы ее услуги как историка, профессиональная экспертная оценка. И безотлагательно.

Постучав пальцем по микрофону, Этта спокойно, без видимого волнения, дождалась, когда в зале воцарится тишина. Она стояла неподвижно, держа спину прямо. Ее длинное белорозовое полосатое платье подчеркивало стройность фигуры. Лицо казалось спокойным, карие глаза смотрели на публику, на губах играла расслабленная улыбка. Внутреннее напряжение выдал только нервный жест, которым Этта заправила за ухо выбившуюся из прически короткую прядь.

– Леди и джентльмены! Обещаю, что мое выступление не будет долгим. Но прежде чем я начну свою речь, предлагаю каждому из вас задуматься над тем, что у всех нас есть предки, жившие в Средневековье, во времена Тюдоров, а также в Викторианскую эпоху.

Гейб почувствовал, что гости обратились в слух.

– Родственники некоторых из нас, возможно, когда-то пировали в этом же зале с королями. Предки других были простыми солдатами, пивоварами, каменщиками или даже ворами и разбойниками. У всех нас есть свое генеалогическое древо. Ему, как и каждому дереву, нужны корни. Сегодня мне хотелось бы поразмышлять о том, что значат для нас наши исторические корни. Как вы знаете, этот бал – благотворительный. Его цель – собрать пожертвования для подростков, которым по той или иной причине нелегко начинать свой жизненный путь. Многие из этих детей не знают своих родителей или навсегда от них оторваны...

Этта продолжала говорить, и неподдельная страсть слышалась в ее голосе. Было видно, что ее забота о неблагополучных детях – искренняя. То же чувство двигало и Габриэлем, побуждая его помогать этим трудным подросткам, хотя он и не афишировал свою благотворительную деятельность.

Указав на свое платье, Этта продолжала:

– Я выбрала этот наряд, потому что он напомнил мне о Рождестве – празднике, исполненном семейных традиций, когда все родные собираются вместе. Именно потому это время года такое трудное для сирот. Деньги, собранные сегодня, помогут этим подросткам провести чудесное Рождество, а также заложат основу для их будущего, в котором они, надеюсь, смогут обзавестись своими семьями. Поэтому, когда начнется благотворительный аукцион, я прошу вас проникнуться духом Рождества и жертвовать щедрее. Приятного вам вечера, спасибо за внимание.

Гости заплодировали, а Гейб шагнул вперед, окончательно решив, что Этта Мэйсон годится для той цели, которую он перед собой поставил.

Пробившись сквозь кольцо гостей, окруживших Этту, он подошел к ней, подметив мелькнувшее в ее глазах удивление.

– Впечатляющий спич.

– Благодарю.

– Не могли бы мы переговорить наедине, например, на террасе?

На долю секунды графу показалось, что мисс Мэйсон сейчас откажется, но она, чуть помедлив, кивнула.

Пять минут спустя они вышли на выложенную мозаикой террасу, и Этта восхищенно произнесла:

– Как здесь красиво!

Растения в больших керамических горшках были украшены разноцветными мигающими лампочками, над столиками висели красивые фонари, сияющие мягким волшебным светом, обогреватели гнали прочь ночную прохладу.

– Кавершемы знают толк в устройстве приемов. Чуть позже здесь, на террасе, будут танцы. Жаль, что вы уезжаете, не дождавшись окончания вечеринки.

Перед глазами Габриэля внезапно возник образ: он танцует на залитой лунным светом террасе, держа Этту Мэйсон в своих объятиях. Это видение было таким ярким, что граф невольно сделал шаг к собеседнице и почувствовал дразнящий ванильный аромат ее духов.

– Да, жаль.

На мгновение Габриэлю показалось, что Этта тоже представила их танцующими вместе, потому что их взгляды встретились, в ее глазах вспыхнул огонь, от которого у графа перехватило дыхание, но пламя тут же погасло.

Этта сжала губы, проворботала что-то вроде «Черт!», подошла к деревянным перилам террасы и, сложив руки на груди, повернулась к Гейбу:

– Зачем вы позвали меня сюда?

В ее голосе прозвучало подозрение. Неудивительно.

Разозлившись на самого себя, Габриэль напомнил себе, что эта женщина необходима ему лишь в качестве профессионального историка. Предстоящий разговор слишком важен, чтобы подвергать его исход риску из-за всплеска физического влечения. Пора переходить к делу.

– Мне нужен историк, и вы меня устраиваете.

Она удивленно наморщила лоб.

– Поясните подробнее.

Гейб указал на один из столиков:

– Присядем?

– Конечно.

Этта грациозно, но настороженно опустилась на стул.

Гейб между тем воспользовался паузой в разговоре, чтобы привести в порядок свои мысли, выстроив их, словно войска перед боем.

– Я бы хотел, чтобы вы составили подробное генеалогическое древо рода Деруэнтов. Около полутора лет назад наш фамильный особняк пострадал от наводнения, погибло много ценных артефактов, в том числе пергамент с генеалогическим деревом, а также много старинных регистрационных книг – все повреждено водой и грязью. Выяснилось, что никто не позаботился о том, чтобы оцифровать эти записи. Уверен, многие данные можно найти в публичных источниках, но они разрозненны, и я понятия не имею, как свести их воедино.

Этта подалась вперед, в ее карих глазах с янтарными искрами блеснул интерес.

– Так вы хотите, чтобы я составила ваше фамильное древо?

– Да, но более детальное, чем оно было в оригинале.

В течение многих веков титул герцога передавался от отца к сыну, и вот теперь этому пришел конец.

Значит, нужно провести тщательные изыскания среди всех ветвей рода, чтобы выяснить, кто сможет унаследовать титул после Габриэля – ведь у него никогда не будет сына. Причем, эту проблему необходимо решить как можно скорее – отец недавно перенес инфаркт, и теперь герцог и герцогиня настаивали, чтобы Гейб женился и произвел на свет наследника. Этому, увы, не бывать, но сообщать отцу такую новость нельзя, чтобы не вызвать новый инфаркт. Надо действовать иначе.

– У меня одно условие: генеалогическое древо должно быть составлено к Рождеству. Понимаю, что за оставшиеся несколько недель очень сложно проделать такую огромную работу, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы вам помочь. Я бы хотел преподнести это древо отцу в качестве рождественского подарка.

Этта покачала головой:

– Сожалею, но через пару дней я покидаю страну по семейным обстоятельствам больше чем на месяц.

Гейб ощутил сильное разочарование. Этта показалась ему идеальным кандидатом. Теперь, когда они встретились лицом к лицу, инстинкт подсказывал графу, что она сумеет провести изыскания быстро и правильно.

– А вы не могли бы отложить свою поездку? Я щедро компенсирую доставленные неудобства, назовите сумму.

– Дело не в деньгах. Я собираюсь в круиз со своей дочерью.

У нее есть дочь? Гейбу как-то не приходило на ум, что у мисс Мэйсон имеется ребенок – на ее сайте не было ни слова про мужа и детей. На миг граф ощутил острое разочарование.

Что ж, от этого он не перестал нуждаться в ней как в историке.

– Вы уверены? Может, ваш муж сможет отправиться в круиз с дочерью без вас, а я оплачу вам еще один семейный отдых.

– У меня нет мужа. Спасибо вам за щедрое предложение, но я и в самом деле не могу его принять.

В ее словах прозвучало сожаление. Габриэль нахмурился. Может, у него еще получится заставить Этту передумать? Он чувствовал, что она хочет заполучить предложенную работу. Значит, пришел момент воспользоваться запасным планом.

Он встал из-за стола.

– Нам пора вернуться в зал.

Этта подавила вздох. Она бы с радостью взялась за составление генеалогического древа рода Деруэнтов – ведь благодаря этому можно получить доступ к старинным документам, изучить судьбы людей, живших много веков назад. К тому же это благотворно сказалось бы на ее карьере. Да и заплатит предлагают щедро. Глупо игнорировать такое предложение. Но ведь сейчас в первую очередь необходимо навсегда изгнать Томми из своей жизни.

При воспоминании о Томми сердце пронзил страх. Она должна оградить дочь от общения с ним! Придется отказаться от неожиданно представившейся возможности поработать над генеалогией древней дворянской фамилии. Этту охватило разочарование, смешанное, впрочем, с досадой на себя из-за того, что там, на террасе, она на мгновение остро ощутила близость Габриэля Деруэнта, взволновавшую ее до трепета.

Этта с облегчением вернулась с графом в тепло отеля, и вместе с остальными гостями они направились в банкетный зал.

Этта остановилась на пороге.

– Мне нужно найти свой столик.

– Я вам помогу. Вы, как и я, за пятым столом.

Она нахмурилась:

– Нет. Я уже знаю, как рассадили гостей.

– Произошли небольшие перемены.

Этта в гневе повернулась.

– Вы вмешались? Руби тщательно все продумала – вы не можете ничего менять себе в угоду!

– Расслабьтесь. Я спросил у Руби разрешения. Вы собирались уйти еще до окончания приема, а я хотел быть уверенным, что у нас будет возможность поговорить о работе, которую я вам предлагаю.

Объяснение вполне логичное, и все же в мозгу прозвучал тревожный сигнал. Этта прищурилась с подозрением. Габриэль Деруэнт привык получать то, что пожелает. А в данный момент он хочет, чтобы она приняла его предложение. Хуже того, он, без сомнения, понял, что и Этта мечтает о такой работе. И уж совсем плохо то, что мысль об ужине за одним столом с этим мужчиной кажется такой соблазнительной.

– Ну, раз мы все уже обсудили, менять план рассадки гостей вовсе нет повода.

– К чему все усложнять? Бросьте, ничего плохого с вами не случится. Обещаю, я больше не буду упоминать о той работе, что предлагал вам. Мы можем поболтать на любую другую тему.

Все ясно. Граф снова решил пустить в ход свое обаяние. В ответ на убеждающие перебивы его глубокого голоса и улыбку Этта невольно улыбнулась, но тут же мысленно напомнила себе: «Будь осторожна! Не исключено, Гэбриэль Деруэнт полагает, что может своим очарованием убедить тебя согласиться на его предложение».

Сев вместе с графом за стол, Этта поприветствовала мужчину, сидящего по другую руку от нее. Судя по легкой невнятности его речи, тот уже успел нагрузиться алкоголем. За несколько минут Тоби Давенпорт успел рассказать ей все о своем шикарном образе жизни, своей яхте и отдыхе в дорогих отелях. Слушая и время от времени вставляя короткие поощряющие замечания, Этта наслаждалась бульоном из оленины, приготовленным по средневековому рецепту, и изо всех сил старалась не обращать внимания на сидящего рядом Габриэля.

Внезапно его звучный голос прервал монотонную речь Давенпорта:

– Тоби, а ведь Этта на днях отправляется в путешествие. Интересно, куда вы решили поехать? Осмотреть какие-нибудь исторические достопримечательности? Вы упомянули круиз... По каким странам?

Она открыла рот и вдруг поняла, что не знает ответа. Когда Этта покупала путевку, ее меньше всего интересовало, где будет причаливать лайнер – главное, что большую часть времени она и ее дочь будут окружены морем, а значит, чувствовать себя в безопасности. Уж там-то отец Кэти не доберется до них. Шестнадцать лет страх дремал в сердце Этты, и вот несколько дней назад вновь разгорелся, стоило Томми опять появиться в ее жизни. Именно поэтому Этта, не задумываясь, перезаложила квартиру и потратила все свои сбережения на покупку билетов в морское путешествие...

Гейб все еще ждал ответа, подняв брови.

– Извините, – выдавила Этта. – Не могу вспомнить. Провал в памяти.

– Вы еще слишком молоды для такой забывчивости.

– Увы, как видите, нет. Но если вспомню, обязательно вам скажу, где собираюсь побывать во время круиза. А как насчет вас? У вас есть какие-то планы на Рождество?

– Нет. Я проведу его в семейном особняке «Деруэнт-Мэнор». Родители уехали во Францию – отец восстанавливает здоровье после инфаркта. Так что мне самому придется проследить за тем, чтобы были соблюдены старинные традиции нашего рода, включая ежегодную рождественскую ярмарку. На этот раз я решил оформить ее в викторианском духе. Надеюсь получить несколько ценных консультаций по той эпохе от историка, которого собираюсь нанять.

Этта очень любила помогать проводить ярмарки и прочие мероприятия в старинном духе, и она была готова поспорить, что Габриэль каким-то образом выведаль ее пристрастия. Впрочем, он встретил ее взгляд с совершенно невинным видом.

– Кажется, следующие несколько недель будут у вас очень насыщенными.

– Это верно. Честно говоря, управление поместьем само по себе можно назвать нелегкой работой. Вся жизнь моих родителей вращается вокруг «Деруэнт-Мэнор».

– И ваша тоже?

– В гораздо меньшей степени.

– Но однажды вы станете хозяином этого поместья.

– Да, – бросил граф, и Этте показалось, что костяшки его пальцев, сжимающих ножку бокала, побелели.

– Наверное, это странно: с детства знать, чем будешь заниматься в жизни. Большинство детей лишь гадают, кем они станут, когда вырастут. А для королевских или дворянских отпрысков здесь нет никакой интриги: вы точно знаете, что вас ждет впереди.

– Да.

По этому короткому ответу невозможно было определить настроение графа, но Этта подметила, что на его скулах заиграли желваки. Так наслаждается Габриэль Деруэнт своим жребием или не рад ему?

– Ранее вы сказали, что предпочитаете свободу выбора покорности судьбе. Но ведь именно судьбой вам предопределено стать герцогом Ферфаксом.

– Да. – На этот раз граф осознал, что отвечает односложно, и улыбнулся знаменитой фамильной улыбкой Деруэнтов. – Но у меня есть право отказаться от титула.

Этта положила ложку в опустевшую тарелку.

– Допустим. – Хотя она ни на секунду не поверила в вероятность такого поступка. – Но ведь не у всех есть возможность отказаться от своего удела. Вспомните, сколько принцесс были выданы замуж против их воли. У них не было выбора.

– Откуда вам об этом знать? Вы можете возразить, что они просто решили исполнить свой долг. Но ведь некоторые из них могли уйти в монастырь. Иногда все имеющиеся у нас варианты выбора могут нам не нравиться, и все же они есть. – Этта открыла рот, чтобы ответить, но Габриэль, подняв руку, добавил: – Я знаю, что у некоторых и в самом деле нет выбора – они не по своей вине попадают в обстоятельства, изменить которые не в их власти. Но я не верю, что тут дело в судьбе. Может, им просто не повезло.

– Судьба против удачи?

Этта удивилась тому, как незаметно она оказалась втянута в философскую беседу. Они с графом не замечали никого вокруг, словно находились под прозрачным куполом, куда почти не доносился гул голосов других гостей. В голове снова зазвучал тревожный сигнал. Впрочем, к чему беспокоиться: еще две перемены блюд – и можно будет покинуть прием. Больше она не встретится с Габриэлем. А их разговор – лишь приятный повод отвлечься от мыслей о Томми. Если бы Тоби Давенпорт не увлекся флиртом с соседкой, сидящей по другую руку, то так же приятно было бы поболтать и с ним.

Однако к чему себе лгать? На самом деле Габриэль Деруэнт, словно сеть, опутывал своим очарованием и тело, и разум Этты. Она не могла припомнить, когда ее тело так реагировало на мужчину, и ей это не нравилось.

Неожиданно в клатче, лежащем на ее коленях, завибрировал сотовый телефон. Неужели что-то случилось с Кэти? От дурного предчувствия по спине побежали мурашки.

Этта встала из-за стола, с улыбкой произнесла:

– Извините. Я скоро вернусь, – и пошла прочь, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не побежать.

Глава 3

Гейб кинул взгляд на пустой стул рядом с собой. Сколько можно торчать в туалете? Образно выражаясь, Этта Мэйсон уже успела бы раз сто напудрить свой нос. Может, она попала в какую-то переделку?

Это не его дело. Но перед уходом на ее лице читался страх, что тронуло Габриэля на каком-то подсознательном уровне. Когда-то страх был частью и его жизни – о чем до сих пор хранились воспоминания в тайниках души. Кроме того, чем больше удастся выяснить об Этте Мэйсон, тем скорее получится уговорить ее взяться за предложенную работу.

Поднявшись со стула, граф улыбнулся соседям по столу:

– Я на минуту.

Он вышел из банкетного зала, но Этты нигде не было видно. Может, она уединилась, чтобы позвонить? Наверное, следует оставить ее в покое, но ноги сами понесли Гейба в вестибюль.

Остановившись на пороге, граф окинул помещение взглядом и заметил, что Этта стоит, прислонившись спиной к колонне, а над ней навис мужчина в угрожающей позе. На лице его играла злобная ухмылка человека, знающего, что вселяет страх в свою жертву. Татуировки покрывали накачанные бицепсы – похоже, этот тип провел немало времени в спортзале.

– Все в порядке? – спросил Габриэль и тут же подумал, что задал глупый вопрос, потому что в данный момент Этта Мэйсон совсем не походила на ту уверенную в себе женщину, с которой он только что сидел за одним столом. Лицо ее было белым как мел, руки сжаты в кулаки, а в карих глазах читались одновременно страх и вызов.

– Все путем, – огрызнулся незнакомец. – Так что можешь проваливать отсюда.

– Тебя я не спрашивал.

Здоровяк сунулся к Гейбу.

– Я же сказал, проваливай!

Этта, сжавшись, подалась вперед:

– Томми, не надо!

Габриэль с внезапной холодной отчетливостью понял, что этот человек каким-то образом причинил ей вред.

Здоровяк грубо хохотнул:

– Это напомнило мне наши прошлые денечки, Этта.

Сердце Гейба наполнилось ледяной яростью.

– Довольно. Единственный, кому следует отсюда убраться, – это ты.

– Все хорошо, Гейб. Я сама разберусь. Томми, уходи. Пожалуйста! Ты уже сказал все, что хотел.

Здоровяк замялся, злобно глядя темными глазами и сжимая кулаки. Граф шагнул к нему.

– Ладно, – проворчал Томми. – Этот хлыщ не стоит того, чтобы снова загреметь в тюрьму. Но я с тобой еще не закончил, Этта. Кэти – моя дочь, и я с ней все равно повидаюсь, чего бы мне это ни стоило.

С этими словами он вышел из отеля.

Гейб повернулся к Этте:

– Вы в порядке?

– Да. Спасибо. Мне нужно идти.

Она бросила взгляд на входную дверь, словно не веря, что Томми больше не вернется, затем выпрямила спину и вынула из сумочки телефон.

Набрав номер, она сообщила кому-то:

– Возникла проблема. Здесь появился Томми. Я возвращаюсь. Позже сообщу тебе, какой электричкой прибуду.

Она вскинула глаза на Гейба и, кажется, удивилась, что тот еще не ушел.

– Куда вы направляетесь? – поинтересовался он.

– В Лондон.

Неожиданно для самого себя Габриэль выпалил:

– Я отвезу вас туда.

Этта открыла рот от изумления.

– Почему вы решили так поступить?

– Потому что могу доставить вас в Лондон куда быстрее, чем электричка. И не исключено, что Томми будет поджидать вас на вокзале, чтобы проследить за вами.

От этой мысли Этта содрогнулась.

– Не знаю, почему вам есть до этого дело, и правильно ли я поступаю, соглашаясь, но было бы глупо с моей стороны отказаться от вашей помощи. Спасибо.

– Идемте, разыщем Руби и объясним ей, что вам необходимо срочно уехать по семейным делам.

Десять минут спустя Этта смотрела на Габриэля Деруэнта, стоящего возле своего темно-красного «феррари», и снова удивлялась, почему согласилась на поездку с графом вместо того, чтобы самой разобраться со своими проблемами. Все возражения перевесило желание поскорее оказаться рядом с дочерью.

Казалось бы, Кэти, гостящая у подружки Этты Стефани, сейчас в безопасности. Как сообщила Стеф по телефону, ее дочь Марта и Кэти сейчас вместе смотрят романтическую комедию. Томми не отыскать девочку. Хотя, с другой стороны, сумел же он выследить Этту... Но для этого не нужно быть Шерлоком Холмсом – на сайте Этты заранее сообщалось о том, что она произнесет речь на Рождественском балу у Кавершемов. Ну а номер ее мобильного любой может узнать из сообщения, записанного на автоответчике в ее рабочем кабинете.

Но Этта не могла заставить себя успокоиться, вспоминая, как Томми буквально наслаждался ее страхом. Этот страх вызвал у Этты отвлечение к себе и волну воспоминаний, о которых она пыталась навсегда забыть.

Хватит! С прошлым покончено! Нужно сосредоточиться на текущем моменте и безопасности своей дочери.

Воспользоваться машиной Габриэля казалось идеальным решением проблемы. Вот только к этой машине заодно прилагался еще и ее хозяин.

– Все в порядке? – В его голосе с глубоким тембром прозвучала забота, смешанная с ноткой веселья. – Вы так смотрите на автомобиль, словно это логово льва.

Этта покраснела:

– Я просто подумала, что с моей стороны неучтиво причинять вам столько неудобств.

– Но ведь я сам предложил вам помощь.

Глупо тратить драгоценное время на препирательства. Этта, кивнув, скользнула на роскошное кожаное сиденье.

Спустя несколько минут граф вырулил на шоссе. Этта смотрела перед собой, во тьму, а мощный «феррари» поглощал милю за милей. Мимо проносились поля и фермы, вдали неясно вырисовывались силуэты ветрогенераторов. Наконец Этта решилась кинуть взгляд на графа. Его светлые волосы мягко сияли в лунном свете, глаза были устремлены на дорогу. Он управлял автомобилем легко и умело.

Габриэль тоже посмотрел на свою пассажирку и опять сосредоточил внимание на бегущем навстречу шоссе.

– Мне кажется, вас что-то тревожит. Вы беспокоитесь за свою дочь?

– Да. Но я знаю, что в данный момент она в безопасности. Мне неудобно отрывать вас от замечательного ужина и танцев под луной. Вы позволите мне заплатить за эту поездку?

– Я же сказал, что в этом нет нужды. Вы не хотите поговорить со мной о Томми и вашей дочери?

На мгновение Этта ощутила порыв так и поступить. Но это было бы глупо. Даже ее близкие друзья не знали о мрачном периоде в ее жизни. Так к чему делиться подробностями с почти незнакомым человеком?

– Мне нечего добавить к тому, что вы и так уже, наверное, поняли. Вы ведь слышали, что сказал Томми. Он – отец Кэти, и ему взбрело в голову с ней увидеться. Но я не хочу подпускать его к дочери.

Граф еле заметно нахмурился. «Наверное, гадает, как я могла связаться с таким подонком, как Томми», – подумала Этта.

– Он принимал участие в воспитании Кэти?

Она покачала головой:

– Нет. Не хочу показаться грубой, но я бы предпочла не обсуждать это.

Долгие годы Этта старалась не вспоминать о Томми, и сейчас у нее не было ни малейшего желания ворошить прошлое, выставляя напоказ собственные ошибки молодости: глупую влюбленность в человека, которому было незнакомо слово «слабость». За свое поведение в те дни было стыдно до сих пор, так что лучше покрепче запереть воспоминания о них в самом дальнем уголке памяти.

– Это мои неприятности, и я сама с ними разберусь.

– Сбежав в круиз?

Несмотря на то что эти слова были произнесены деликатным тоном, Этта разозлилась.

– Вовсе я не сбегаю.

– Прошу прощения, если обидел вас. Я не знаю подробностей и понимаю, что вы не хотите их обсуждать. Но жизнь научила меня тому, что пытаться сбежать от своих проблем – не лучший выход.

Этта чуть не возразила: «Легко так говорить, когда ты – граф Уайклиф!» – но тут же прикусила язык. Все-таки Габриэль очень ей помог.

– Благодарю за совет. Но я уже сказала, что сама разберусь со своими неурядицами.

Она откинулась на спинку сиденья и, отвернувшись, устремила взгляд на пробегающие мимо пейзажи, давая понять, что разговор окончен. К облегчению Этты, граф оставил ее в покое, хотя, похоже, весь остаток пути до Лондона он размышлял над услышанным.

Когда Габриэль затормозил перед домом Стеф, Этта сказала:

– Еще раз благодарю вас. Я искренне признательна вам за помощь и в большом долгу перед вами. – Она понимала, что не успокоится, пока не отыщет способ отплатить за оказанную услугу. – Желаю вам благополучно добраться до дома. Извините за испорченный вечер.

– Я провожу вас до дверей.

– Не нужно! Стеф уже ждет меня. – Этта торопливо распахнула дверь автомобиля. – До свидания, Габриэль!

Не оглядываясь, она взлетела по ступенькам крыльца и вынула из кармана запасной ключ, который ей дала Стеф. Но прежде чем войти в дом, Этта обернулась и бросила последний взгляд на еле различимый во тьме профиль графа.

– Хорошо выспалась?

Этта, сидящая за кухонным столом, подняла глаза на свою лучшую подругу и улыбнулась:

– Отлично.

– Лгунья. Ты, должно быть, страшно перепугалась, когда увидела Томми.

– Да, но...

Вообще-то, когда неожиданно в их разговор вмешался Габриэль Деруэнт, Этта почувствовала себя в безопасности.

Нужно собраться. Жизнь научила ее тому, что можно рассчитывать лишь на саму себя. Этта уже сумела один раз сбежать от Томми. И сейчас у нее тоже получится.

– Со мной все будет в порядке. – Обхватив ладонью кружку с кофе, она попыталась заставить себя поверить в эти слова, но они прозвучали так неискренне. – Как вела себя Кэти вчера?

– Она была спокойна и не упоминала при мне Томми. Но я уверена, что они с Мартой его обсуждали. А еще Кэти заявила, что не хочет ехать в круиз.

Этта вздохнула. С тех пор как Томми снова появился в их жизни, веселую, послушную дочь словно подменили. И ее трудно винить – ведь Этта и сама готова на все, лишь бы встретиться со своим родным отцом или матерью.

До пятнадцати лет она и не подозревала, что ее удочерили. Оказалось, что вся ее жизнь – сплошная ложь. Именно поэтому Этта поклялась никогда не обманывать Кэти и, когда дочь подросла, честно рассказала о ее отце, не желая, чтобы девочка строила насчет его какие-то иллюзии. Через несколько лет Томми вдруг появился и потребовал встречу с дочерью. Этта поделилась новостью с Кэти.

Но она не ожидала, какой будет реакция на такую новость. Кэти, озадаченная, обуреваемая чувствами, ожидала, что ее отец окажется замечательным человеком, хотела встречаться и общаться с ним. При этой мысли кровь стыла в жилах. Кому как не Этте знать, что Томми при желании может очаровать любого! Он конечно же по-своему преподнесет дочери историю своей жизни – как судьбу непонятого обществом бунтаря.

Вздыхнув, Этта посмотрела на Стеф.

– Я знаю, что Кэти не хочет в круиз. Но мы все равно поедem. – Подумав о том, что не станет сидеть сложа руки и смотреть, как дочь повторяет ошибки матери, Этта встала из-за стола. – Огромное спасибо за то, что посидела с ней вчера. Больше не буду тебя задерживать. Я знаю, что тебе надо отвезти Марту на урок вокала.

– Можете оставаться у нас, сколько хотите.

Через двадцать минут щелкнул замок – подруга увезла дочь на занятия, и Этта направилась в комнату к дочери.

Кэти сидела на кровати, скрестив ноги. Ее длинные темные волосы были зачесаны назад и стянуты в хвост.

– Мам, ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, не заставляй меня ехать в этот круиз! Если папа так сильно хочет со мной встретиться, что отправился за тобой даже в Корнуолл, значит, нужно дать ему шанс!

Этта ощущала отчаяние дочери, и оно разрывало ей сердце.

– Милая, тебе небезопасно находиться рядом с отцом.

– А вдруг он изменился?

Не успела Этта ответить, как внизу раздался звонок в дверь. Липкий страх снова заполз в душу. В голове пронеслось: «Спокойно! Это не может быть Томми».

Дочь вскочила с кровати.

– Кэти, стой!

Этта сбежала вслед за ней по лестнице и догнала лишь тогда, когда девочка успела посмотреть в дверной глазок.

– Это не папа. Там какой-то блондин.

Ее плечи разочарованно поникли. Этта с облегчением обняла дочь.

Кэти отпрянула.

– Давай откроем. Кто бы это ни был, кажется, я его где-то видела. А он красавчик для своих лет.

Этта заглянула в глазок и удивленно моргнула, но галлюцинация не исчезла – за дверью стоял Габриэль Деруэнт, одетый в рубашку и джинсы и излучающий такую энергию, что сердце Этты невольно забилось быстрее.

Как бы то ни было, нельзя оставить графа стоящим на крыльце.

Этта открыла дверь, и он, шагнув вперед, закрыл за собой дверь.

– Прошу прощения за неожиданный визит. Произошли кое-какие события.

– Не понимаю... – Этта ощутила, как от нехорошего предчувствия по спине побежали мурашки. – Какие события?

Глава 4

Габриэль замер, позабыв о том, что привело его сюда. Перед ним стояла Этта, совсем не похожая на ту женщину, с которой он познакомился вчера. Она выглядела еще очаровательнее в джинсах и коротком кремовом свитере ручной вязки. Каштановые волосы, влажные после душа, соблазнительно пахли земляникой и блестящими волнами обрамляли лицо, на котором не было и следа косметики. Кожа Этты сияла белизной, а на переносице Гейб разглядел крошечные веснушки. На долю секунды ему захотелось провести по ним пальцем. А ее губы...

Габриэль торопливо отвел от них глаза и только сейчас осознал, что рядом с Эттой стоит девочка-подросток и с любопытством его рассматривает, склонив голову набок. Без сомнения, эти двое – родственницы: у обеих одинаковые карие глаза с янтарными искрами. Сестры? Или...

Этта шагнула вперед.

– Габриэль, познакомьтесь с моей дочерью, Кэти. Кэти, Габриэль – тот человек, который вчера любезно подвез меня.

Она с вызовом вскинула подбородок, и Гейб поспешил скрыть удивление, которое, несомненно, отразилось в его взгляде. Впрочем, нет смысла притворяться. Он удивлен, потому что ему казалось, что дочь Этты куда младше, и теперь Габриэль пытался мысленно пересмотреть детали того предложения, которое собирался сделать.

– Приятно с тобой познакомиться. – Он протянул Кэти руку.

– Вы – Габриэль Деруэнт?

– Именно так, – улыбнулся он.

Этта обратилась к дочери:

– Кэти, иди собирайся. Когда Габриэль уйдет, мы отправимся домой – нам пора собираться в путешествие.

– Я же тебе говорила, что нам вовсе не обязательно ехать в этот круиз.

– Кэти, обсудим это позже, но в итоге мы все равно поедем.

Девочка вздохнула и поплелась к лестнице.

Когда она начала подниматься по ступеням, Этта повернулась к Габриэлю и открыла рот, собираясь что-то сказать, но замерла, глядя на гостя широко распахнутыми глазами. Затем она отступила назад и сказала:

– Послушайте, не хочу показаться неучливой, но у меня мало времени. Наш лайнер отчаливает уже сегодня вечером. Что случилось?

Габриэль знал, что разговор предстоит непростой, но не собирался останавливаться на полпути.

– Знаю, что вы заняты, но нам необходимо поговорить. Выслушайте внимательно то, что я скажу. Обещаю, что буду краток.

Чуть помедлив, Этта кивнула:

– Хорошо. Пойдемте, я приготовлю кофе. Кажется, мне не помешает сейчас выпить чашечку.

Она провела его в просторную кухню бледно-желтого цвета, украшенную пробковыми панелями, к которым были приколоты рисунки и фотографии. Усадив гостя за большой деревянный стол, Этта наполнила водой старомодный чайник.

– Ладно, выкладывайте, что хотели сказать.

Гейб понимал, что ей не понравятся его следующие слова, но все равно произнес:

– Репортеры засекли, что мы вместе уехали с бала, а заодно пронюхали о том, что мы уединялись на террасе и о моей просьбе усадить нас за один столик. Они решили, что у нас

роман. Я подумал, что лучше сообщить вам эту новость заранее, потому что у вашего дома вас могут поджидать папарацци.

На мгновение собеседница замерла, ее губы удивленно сложились в букву «О», а голова склонилась набок, словно в ожидании окончания шутки. Осознав, что Гейб говорит всерьез, Этта резким движением поставила чайник на варочную поверхность и залилась румянцем.

– Журналисты полагают, что у нас с вами роман?

Габриэль, расслышав в ее голосе неподдельный ужас, почувствовал досаду.

– Боюсь, да.

– Но это же нелепо!

– Почему? – Он собирался сказать совсем не это, но выражение отвращения на лице Этты вызвало у Гейба раздражение.

– Потому что... Потому что это невозможно!

– Почему?

Глядя ей в глаза, он поднялся со стула и подошел ближе.

Внезапно воздух в кухне словно наэлектризовался. Отвращение на лице Этты сменилось изумлением, а в глазах вспыхнуло желание. У Гейба пересохло во рту, тиканье настенных часов отдавалось в ушах барабанным боем. Он сделал еще один шаг, приблизившись к собеседнице настолько, что ему снова стали заметны веснушки на ее переносице. Будь они прокляты!

Этта вцепилась в столешницу так, что побелели костяшки пальцев. Похоже, это прикосновение вернуло ее к реальности. Она шагнула назад и сказала:

– Это невозможно, потому что этому не бывать. – И дрожь в ее голосе наглядно проиллюстрировала шаткость аргумента.

– Неужели? – Габриэль вынул из кармана смартфон. – Взгляните.

Этта кинула взгляд на экран и тихо чертыхнулась.

Какой-то шустрый папарацци сумел запечатлеть момент первой встречи Габриэля и Этты, когда та вынырнула из-за кадки с пальмой. Они завороченно смотрели друг на друга.

– Найду того, кто это снял, и выпотрошу, – пробормотала Этта, а затем вскинула подбородок, и глаза ее сверкнули вызовом. – Этот фотограф ничего не смыслит в своем деле. Ясно ведь, что тут всего лишь игра света, или снято не с того ракурса, или... или...

– Или мы с первого взгляда понравились друг другу.

– Я все-таки буду считать это ошибкой фотографа.

Гейб вскинул брови. Может, и следовало оставить эту тему, но упорное отрицание Эттой очевидного разбудило в нем любопытство и азарт.

– Или вы можете признать правду: вас влечет ко мне, а меня – к вам. Я признаю это, ведь доказательство налицо. – Он указал на экран.

Если бы только законы физики позволяли, Этта, без сомнения, разнесла бы гневным взглядом в осколки смартфон Гейба вместе с предательскими фото.

– Возможно, вам трудно в это поверить, но меня вовсе не влечет к вам, – процедила она сквозь зубы.

Но было заметно, что это ложь.

– Вы просто не хотите в том признаться.

Он не понимал почему.

– Габриэль...

– Так ко мне обращаются только мои родители. Я предпочитаю, чтобы меня называли Гейб.

– Гейб, вы не в моем вкусе. Меня не привлекают ветреные плейбои, которые сначала морочат женщине голову, а после разбивают ей сердце.

– Так я – «ветренный плейбой»? Готов с этим согласиться. Но я никогда не морочу женщинам голову.

– А как насчет леди Изабель? Вы заставили ее поверить, что женитесь на ней, а затем бросили, унизив ее на виду у всех и разбив ей сердце.

Хотя и понимая позицию Этты, Габриэль не смог сдержать закипающего гнева. Изабель идеально сыграла свою роль и заставила почти всех британцев поверить в то, что Габриэль Деруэнт – разбиватель женских сердец, какого свет не видывал. Взамен она получила кучу денег и отличный пиар. Месяц спустя Кэтлин, сестра Гейба, встретила ее на одной из вечеринок на Ривьере. Похоже, Изабель просто решила взбунтоваться против навязываемой ей роли герцогини, разорвать помолвку и заодно сорвать изрядный куш.

Но к черту Изабель! В данный момент на Габриэля смотрела Этта, постукивая ногой по кафельному полу. Смело встретив вопросительный взгляд, Гейб ответил:

– Я считал, что историки ценят точность и всегда ищут доказательства, а не полагаются на сплетни, почерпнутые из желтой прессы.

На щеках Этты заалели два красных пятна.

– Хороший историк смотрит на имеющиеся в его распоряжении факты и делает выводы. Станете отрицать, что говорили леди Изабель о вашем намерении на ней жениться?

– Не стану. Но это – всего один факт. Есть еще много других, которые вам не известны. В отличие от Изабель я не собираюсь предавать их гласности. Но даю вам слово, что все было не так, как она преподносит. Я не разбивал ей сердце.

Этта пожала плечами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.